

Знакомство Андрея Белого с философией дополняет содержание концепта «человек» авторской философской оценкой с использованием специфических терминов и неологизмов (*не забудем, что Николай Аполлонович был кантианец; более того: когенианец; в этом смысле он был человек нирванический* [13, с.236]). Одним из наиболее обычных прагматических элементов семантики концепта «человек» в романе «Петербург» является авторская ирония, которая выражается фактически точными словами, но несущими некоторое преувеличение, что придаёт оттенок гротескной интонации (*Николай Аполлонович был человек просвещенный* [13, с.234]). Тот же эффект имеет столкновение слов со скрыто исключаящими значениями, что также звучит иронично (*Как ужасна участь обыденного, совершенно нормального человека* [13, с.192]).

Среди охватываемых концептом «человек» сфер действительности следует выделить сферу официальных наименований (...о знакомствах *Николая Аполлоновича государственный человек не считал себя вправе осведомляться* [13, с.34]). Фиксируется в использовании концепта «человек» также антропологическое значение, элементам которого являются внешность, черты характера, особенности поведения. Сюда же можно отнести общие проявления человека, жизненные позиции, качества, отношения (*Человек способен понять человеческую измену, преступление, человеческий даже позор; ведь, понять — значит, уж почти найти оправдание* [13, с.131]). Концепт «человек» охватывает сферу социальных различий и статусов сословного общества, часто в статусные наименования вплетаются этические нормы сословного общества: светский человек – честный человек (*Николаю Аполлоновичу, как человеку светскому, как честному человеку, благородно позволил Сергей Сергеевич стать меж собой и женой* [13, с.132]).

Выводы. Концепт «человек» играет особую роль в концептосфере Андрея Белого, поскольку его философская проза представляет собой размышления о человеке, его положении в современном мире, связи с прошлым, будущим и с мировой реальностью в целом. Автор воспринимает человека в его социальной и антропологическо-культурной сущности. Оттенками концептуального значения «человека» являются действующее лицо, человек как объект действия, воображаемое действующее лицо, внешний вид человека, ситуативная характеристика человека.

Список использованной литературы:

1. Белый Андрей. Петербург. / Андрей Белый. – М.: Наука, 1981. – 696 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

Науковий керівник: к. філол. наук, доцент Кулешова Л.М.

Д. М. Муравьёва

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

**ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ:
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Толерантность (от лат. *tolerare* – терпеть, привыкать), как социокультурное явление, существенно отличается от других случаев использования этого термина в иммунологии, медицине, биологии, инженерии или даже математике. Главным отличием применения понятия “толерантность” в гуманитарных науках есть его использование относительно человечества в целом, различных человеческих групп или даже относительно отдельных личностей. В любом случае толерантность, как “отношение терпения” или как “отношение привыкания”, применима не столько к конкретным людям, как биологическому виду (хотя терпимость/нетерпимость исключительно к внешним признакам тоже имеет своё место в истории), сколько к мировоззрению другого человека, стилю жизни другого человека или групп людей.

Выражение человеком мировоззрения (устно, письменно или другими визуальными способами), а также – конкретная практика погружения его в социальную среду, с сопутствующими планами, грёзами, действиями, оценками и т.д., требует коммуникации, главной среди которой представляется всё же языковая коммуникация. Ибо сказанное или написанное и есть предметом рассуждений, ведения диалога, общения двоих и более людей, их действий. Также можно выделить в качестве отдельного предмета исследования “феномен толерантности” отдельных текстов (трактатов, документов и т.п.), оставленных нам историей. Но в целом более современным представляется изучение толерантности, как социокультурного явления, имеющего место в повседневной жизни, то есть с помощью социологической, социально-психологической, этнолингвистической и других междисциплинарных методологий исследования языковой культуры современности на примере разных языков.

Не вызывает сомнений тот факт, что “терпимость” (либо “привыкание”) – это многообразное явление, которое может выражаться не только одним словом, но и целыми фразами или даже отдельными публичными выступлениями. Не будет преувеличением сказать, что это явление исторически стало вторичным от своего негативного двойника – интолерантности. Философ Марина Ростовцева определяет “интолерантное отношение” прежде всего, как “агрессивно конфликтное отношение” [1, 13]. С давних времён нетерпимое отношение “к другому” фактически означало отношение “к чужому” и выражалось, казалось бы, в просто непреодолимых человеческой природой формах ксенофобии, этноцентризма, расизма. Эти негативные социальные явления имеют очень древнюю историю по всей планете и выражаются в оскорблениях, демонизации, насмешках, в пренебрежении и предубеждении, в преследованиях и запугиваниях, в эксплуатации, изгнании, сегрегации или же других репрессиях людей.

Толерантное отношение к людям и отдельным их группам – сравнительно недавнее явление, появившееся в последствии переосмысления многих войн (в том числе мировых), жестокого истребления людей (в том числе одиозных геноцидов), стремительного заселения планеты (в том числе ведущего к борьбе из-за недостаточности ресурсов). Глубокое осознание необходимости преодоления ксенофобии (буквально “боязни другого”) пришло и у видных государственных деятелей, и в научном гуманитарном сообществе только лишь после Второй мировой войны. И, естественно, осознание это прошло не во всех странах, либо же прошло, но не до конца, не в одинаковой степени восприятия, неглубоко или же вовсе оказалось неправильно осмысленным.

Толерантное отношение может вырабатывать сам человек. Но могут и социальные институты (семья, школа, университет, коллектив, церковь), и, безусловно, государственные институты. Объективной реальностью XX и XXI столетий остается то, что государства строятся по национальному принципу. То есть граждане конкретной страны объединены некой национальной идеологией, которая, в свою очередь, исходит из исторических, этнологических и литературных нарративов, очень часто страдающих застарелыми стереотипными подачами образов других этносов, наций, рас или же других социокультурных (не обязательно этнических или религиозных) групп. Например, в постсоветских странах до сих пор стойким остается интолерантное клише “загнивающих капиталистов” в Западной Европе, равносильно применимое, кстати, теперь уже к внутренним предпринимателям, которых время от времени, но всё же стигматизируют в украинском, российском или белорусском обществе как “хитрых нуворишей”.

Выше сказанное даёт возможность убедиться, что изучение толерантности, как феномена конкретной языковой культуры, невозможно без учёта этноспецифических аспектов её формирования и развития. При этом не следует забывать, что не все этносы становились или всегда были государственными нациями, то есть, во-первых, не все они имели возможность в быстрые сроки организовать государственный быт своей этнической группы согласно идеологемы “одна нация – одно государство”, во-вторых, не все они имели равные условия развития своей культуры, в том числе языковой. Например, русская словесность в

своё время боролась с немецким и французским языками за право быть языком политической элиты России, как и украинский язык – за право быть не только языком крестьянства и узкой прослойки интеллигенции, а и школы, высокого искусства и науки, гражданских институций, той же элиты.

Всё это этноисторическое наследие естественно отложилось и на современной языковой культуре, политических и культурных дискуссиях экспертной среды, равно как и на общественных дискурсах, возможно, упрощенных, но очень показательных, в частности и применительно к такому явлению, как толерантность.

Что интересно, отношение толерантности (а скорее – преодоления нетолерантности) воспитывается в человеке ещё с детства. То есть, это осознанное явление может быть воспитано семьёй, а может и воспитателями детского сада, которые действуют уже согласно конкретным служебным инструкциям, то есть выполняют госзаказ на воспитание гражданина конкретного государства. Так или иначе, и родители, и воспитатели транслируют ребенку доминирующую в данном обществе словесную конструкцию того или иного проявления толерантности либо же наоборот.

Очевидно, при изучении этноспецифических аспектов феномена толерантности на материалах конкретной языковой культуры каждый исследователь должен будет более детально учитывать и выше описанное этноисторическое наследие, и возрастные особенности языковой культуры отдельных индивидуумов, и социально-профессиональные, и, конечно же, политику отдельных государств, направленную на воспитание “отношения терпения” или “отношения привыкания” к другому. На современном этапе для России, Украины, Белоруссии и других стран целесообразно будет использовать материалы лингвистических и социологических исследований, начиная с 1991 года, то есть – с новой геополитической реальности, в которой оказались общества этих стран почти три десятилетия назад, и культура этих обществ в частности. Также целесообразно использовать исследования социальных психологов, историков, политологов и даже политтехнологов, ибо очень часто именно они предлагают весьма интересные тексты, в которых мы можем проследить смысловое разграничение людей на группы и восприятие их друг другом через давно имеющиеся этнические стереотипы либо же какие-нибудь инновационные приемы формирования общественного мнения, в частности по формированию отношения “к другому” как “к себе” – то есть восприимчиво (либо же и по целям, и по факту – наоборот).

Трудно отрицать вот такую мысль российского историка Алегвара Аскерова: “Толерантность – трудное и редкое достижение по той простой причине, что фундаментом сообщества является родовое сознание. Мы объединяемся в одной общности с теми, кто разделяет наши убеждения, или с теми, кто разговаривает на том же языке или имеет ту же культуру, что и мы, или с теми, кто принадлежит к той же этнической группе. В сущности, общность языка и чувство этнической близости на всем протяжении человеческой истории выступают в качестве оснований сообщества” [2, 36].

Но трудно отрицать и больше стратегическое, чем реальное, пожелание Марины Ростовцевой, согласно которому толерантность должна стать особой формой “отношения принятия” между людьми [1, 13], что гораздо глубже, чем “отношение терпения” или “отношение привыкания”. Компаративное языкознание, как видим, имеет очень большой потенциал в постановке и разрешении таких важных гуманитарных вопросов.

Список использованной литературы:

1. Ростовцева М.В. Проблема интолерантности в современном обществе // Марина Викторовна Ростовцева // Социодинамика. – 2016. – №6. – С. 13-17.
2. Аскеров А.Г. Исторические аспекты толерантности / Алегвар Гасаналиевич Аскеров // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований : сборник научных статей / Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 36-37.

Научный руководитель: к. филол. наук, доцент Корновенко Л.В.